

УДК 343.1

DOI: 10.17223/22253513/25/12

В.В. Рудич

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАНДАРТА ОБОСНОВАННОСТИ ПОДОЗРЕНИЯ ПРИ ИЗБРАНИИ СУДОМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Анализируются правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации относительно международно-правового стандарта обоснованности подозрения, который суды обязаны учитывать при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении срока действия таковой. Автор исследует имеющиеся подходы, содержащиеся в отечественной доктрине уголовно-процессуального права применительно к соотношению понятий «обоснованность обвинения» и «обоснованность подозрения», «разумность подозрения». На основе анализа результатов изучения судебной практики формулируются различные уровни доказанности и убедительности фактов, подтверждающих обоснованность подозрения или процессуальных решений. Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу, стандарт обоснованности подозрения, обвиняемый, подозреваемый, суд, судья.

В науке уголовно-процессуального права традиционно существовали представления относительно реализации международно-правового стандарта обоснованности подозрения, при наличии которого возможно избрание судом меры пресечения в виде заключения под стражу. Некоторые авторы относили к одной из групп оснований применения мер пресечения доказательств, подтверждающие совершение преступления [1. С. 25; 2. С. 300; 3. С. 138].

В настоящее время подобные представления уже недостаточны для объяснения явлений, существующих в российской правовой действительности. Подтверждением этому стало принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [4]. Данным документом был обновлен правовой стандарт обоснованности подозрения, который суды обязаны учитывать при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении срока действия таковой.

В прежней формулировке п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» «обоснованность подозрения» предполагала наличие *достаточных* данных о том, что лицо *могло* совершить преступление (об имевшем место событии преступления и о причастности к нему подозреваемого). Пленум при этом разъяснял, что обязанность проверять обоснованность подозрения в *причастности* лица к совершенному преступлению лежит непосредственно на самом суде при рассмотрении ходатайства о мере пресечения.

В новой редакции п. 2 отмечается, что данная мера пресечения допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению (лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.). При этом Пленум указал, что при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы, конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении. Если этого не было сделано, то данное обстоятельство следует расценивать как существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В ходе проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица.

Следует отметить, что в принципиальном плане позиция Пленума Верховного Суда РФ не изменилась и весь смысл его разъяснений сводится к тому, чтобы ориентировать суды на более критическую оценку материалов, подтверждающих выводы органов предварительного расследования. Конечной же целью является смягчение политики уголовно-процессуального принуждения, снижение случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Говоря о стандарте обоснованности подозрения как стандарте доказанности, мы затрагиваем вопрос о достаточно интересном явлении, а именно: о степени вероятности знания, на котором суд основывает свое решение, о природе средств доказывания стороной обвинения своего «правопритязания» [5. С. 75]. Без обоснованного подозрения невозможно уголовное преследование, выражающееся в мерах уголовно-процессуального принуждения. Как отмечал Л.Я. Таубер, для возбуждения уголовного преследования государственный орган должен *prima facie* убедиться в наличии достаточного к тому основания [6. С. 93].

Следует отметить, что отдельные ученые-процессуалисты не делают различия между понятиями «обоснованность обвинения» и «обоснованность подозрения». В частности, Ю.Д. Лившиц указывал, что к основаниям применения меры пресечения относится доказанность материалами уголовного дела факта совершения преступления [8. С. 27]. По мнению Н.И. Капинус, «достаточность является качественной характеристикой такой совокупности доказательств, которая вызывает... уверенность в том, что возможность совершения обвиняемым противоправных действий является реальной» [8. С. 58].

Само по себе решение органа уголовной юстиции о применении меры уголовно-процессуального принуждения не является нарушением презумпции невиновности, иначе деятельность судебно-следственных органов была бы невозможна. Как считают некоторые авторы, первым условием для избрания меры пресечения является оценка *обоснованности* в определенной сте-

пени обвинений [7. С. 271]. Однако на практике этому различию придается принципиальное значение: использование судом в тексте постановления формулировки «обоснованность обвинения» трактуется апелляционной инстанцией как вхождение в обсуждение вопроса о виновности и оценивается как существенное нарушение закона. В частности, апелляционная инстанция ссылается на п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, в котором указано, что в постановлении о рассмотрении ходатайства в порядке ст. 108 УПК РФ суду следует дать оценку обоснованности подозрения в совершении лицом преступления, а также соблюдению порядка привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения, регламентированного гл. 23 УПК РФ [10]. Иными словами, в решении суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не должно содержаться формулировок о виновности лица. Так что использование термина «обоснованность обвинения» в современном контексте признается ошибочным.

О стандарте обоснованности подозрения относительно ситуации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу говорится и в ряде решений Конституционного Суда Российской Федерации [11]. В частности, в определении от 12 июля 2005 г. № 330-О высший орган конституционного правосудия указал на то, что подпункт «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допускающий законный арест или задержание лица, не предполагает необходимость получения следственными органами достаточных доказательств для предъявления обвинения как во время ареста, так и в период пребывания арестованного под стражей. Факты, обосновывающие подозрение при применении ареста, не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, как и те, которые необходимы для предъявления обвинения – следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу [12].

Некоторые ученые-процессуалисты под разумным подозрением понимают возможную причастность лица к преступлению. По их мнению, на момент разрешения вопроса об избрании меры пресечения вина подозреваемого (обвиняемого) еще не доказана. Поэтому достаточно *косвенных улик*, чтобы обосновать необходимость предварительного заключения под стражу подозреваемого (обвиняемого), в то время как их может быть недостаточно для того, чтобы вынести обвинительный приговор [Там же. С. 57]. Соответственно стандарт доказывания разумного подозрения для целей заключения под стражу значительно более низкий, чем стандарт доказывания в самом уголовном процессе [7. С. 271]. Это вполне соответствует ранее приведенной позиции Конституционного Суда РФ.

Таким образом, правомерно говорить о различных стандартах доказанности и степенях убедительности фактов, подтверждающих обоснованность подозрения или процессуальных решений, о которых советская школа уголовно-процессуальных доказательств еще не знала. По словам М.А. Никонова, если виновность лица в совершении преступления должна быть доказана «beyond reasonable doubt» (вне разумных сомнений), то обоснованность подозрения проверяется «здесь и сейчас», что не предопределяет дальнейших решений по делу. Это так называемые «prima facie evidence», т.е. «доказа-

тельства, убедительные на первый взгляд». Поэтому если суд при избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу счел, что обоснованность подозрения не установлена, это не препятствует продолжению расследования [13. С. 57–58]. Речь идет о подкреплении некой вменяемой подозреваемому в совершении преступления квалификации (пусть и предварительной) его действий некоторым количеством доказательств [14. С. 50–61].

Т.В. Хмельницкой предложены *три стандарта формирования доказательства в ходе досудебного производства по уголовному делу*. При этом именно доказательственный стандарт – высокая степень вероятности – будет являться наименьшим по своей значимости, отправной точкой шкалы доказательственных стандартов. Как пишет автор, второй предварительный цикл формирования доказательства связан с достижением стандарта для производства процессуальных (следственных) действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, представляет собой такую совокупность фактических данных, которые убеждают судью в обоснованности подозрения конкретного лица в совершении преступления и необходимости получения новых данных, подтверждающих подозрения, посредством следственных действий, ограничивающих его конституционные права и свободы человека и гражданина, или применения к нему мер процессуального принуждения [14. С. 39, 59].

Итак, обязанность проверять обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению лежит непосредственно на самом суде при рассмотрении ходатайства о мере пресечения. Обоснованное подозрение является существенным и необходимым признаком, без которого невозможно применение какой-либо меры пресечения, особенно заключения под стражу. Это своего рода фильтр, который позволяет избежать необоснованного заключения под стражу.

Обоснованность подозрения подтверждается любыми сведениями, на основе которых суд устанавливает наличие обстоятельств, имеющих значение для дела на данной стадии: заявлением потерпевшего, протоколом его допроса, протоколом допроса самого подозреваемого (обвиняемого), протоколом явки с повинной, протоколами допроса свидетелей и следственных действий, рапортами сотрудников полиции и др. Очевидно, что эти документы, равно как и сведения, сообщаемые суду в ходе судебного заседания, еще не есть доказательства вины обвиняемого и потому нуждаются в новой проверке и оценке судом в ходе судебного разбирательства в совокупности со всеми другими доказательствами.

К примеру, обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению может следовать из копии заявления потерпевшего о привлечении конкретного подозреваемого (обвиняемого) к уголовной ответственности; из копии протокола допроса потерпевшего, где он указывает на подозреваемого (обвиняемого) как на лицо, совершившее преступление при конкретных обстоятельствах; из копии протокола обыска, в ходе которого в квартире подозреваемого (обвиняемого) было обнаружено и изъято имущество потерпевшего, и др. Таким образом, судье в постановлении об избрании меры пресечения, мотивируя обоснованность подозрения, необходимо ссы-

латься на конкретные документы, содержащиеся в материалах судебно-контрольного производства и исследованные судом в судебном заседании. Но при этом данным документам нельзя давать оценку как доказательствам по делу.

В качестве примера того, как на практике понимается стандарт обоснованности подозрения, можно привести следующее решение суда. Так, в постановлении судьи Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 20 мая 2015 г. указывается на то, что «данное ходатайство поддержано потерпевшим Е.А.Д., представителями потерпевшего М.С.В., К.С.В., Б.А.В., которые в судебном заседании также считали, что Е.С.Д. причастен к совершению преступления, и дополняли это имеющимися у них документами, что в данном случае не имеет юридического значения в том, что решение вопроса об избрании либо изменении меры пресечения суд не предпринимает вопроса о виновности либо невиновности в совершении конкретного преступления, в котором обвиняется Е.С.Д.» [15].

Очевидно, что для обоснования причастности подозреваемого (обвиняемого) к совершенному преступлению достаточно доказывания признаков объективной стороны преступления. Хотя, как отмечается в работах, посвященных анализируемой проблематике, сторона обвинения в некоторых случаях обязана доказывать признаки субъективной стороны преступления, которое инкриминируется подозреваемому (обвиняемому).

Изучение судебной практики показывает, что иногда суды, используя формулу запрета на обсуждение виновности лица, распространяют этот запрет и на исследование обоснованности подозрения. В частности, некоторые суды ограничиваются лишь формулировкой о том, что представленные материалы свидетельствуют об обоснованности выдвинутого подозрения, самоустранившись от надлежащей проверки обоснованности выдвинутого против лица подозрения. Отдельные судьи при разрешении ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, которым предъявлено обвинение, проверяют обоснованность не подозрения, а обвинения.

На практике сформировалась твердая позиция, согласно которой суду при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу как в отношении подозреваемого, так и в отношении обвиняемого необходимо проверять лишь обоснованность подозрения в совершении лицом инкриминируемого ему преступления. Проверять обоснованность обвинения суд на данной стадии уголовного судопроизводства не вправе, поскольку не должен предпринимать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по уголовному делу, в том числе и об обоснованности обвинения. Иное поставило бы под угрозу самостоятельность и независимость суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

В заключение отметим, что тенденция правового развития такова, что возможно, в уголовном судопроизводстве будет введен институт следственного судьи, к полномочиям которого перейдет принятие решений об избрании мер пресечения в судебном порядке [16. С. 21–25]. Тогда многое из того, о чем было сказано нами выше, приобретет другое освещение ввиду того, что юрисдикции следственного судьи и суда, разрешающего дело по существу,

будут разведены. А самое главное – будет исключена возможность принятия одним и тем же судьей вначале решения об избрании меры пресечения при наличии «обоснованного подозрения», а потом вынесения приговора по этому же делу.

Литература

1. Михайлов В.А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве Российской Федерации. М., 1997.
2. Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006.
3. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. СПб., 2003.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. 2016. 1 июня.
5. Андреева О.И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2005. № 2.
6. Таубер Л.Я. Иск, обвинение и состязательное начало // Вестник гражданского права. 1917. № 2.
7. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / колл. авторов; под ред. Т.Г. Морщаковой. М.: Мысль, 2012.
8. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М., 1964.
9. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе. М., 2007.
10. Дело № 3/2-324/2016 // Архив Сыктывкарского городского суда Республики Коми. 2016.
11. Пункт 3.3 постановления Конституционного Суда РФ от 22 марта 2004(2005) № 5(4)-П // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1271.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <http://base.garant.ru/1354548/#ixzz4r89AeumA>.
13. Никонов М.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4.
14. Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
15. Постановление судьи Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга от 20 мая 2015 г. об отказе в ходатайстве об изменении меры пресечения (подписи о невыезде на заключение под стражу) в отношении Е.С.Д. // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. 2015.
16. Рудич В.В., Фетищева Л.М. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения // Российский следователь. 2015. № 17.

Rudich Valery V. Ural Institute of Economics, management and law (Ekaterinburg, Russian Federation)

IMPLEMENTATION OF THE INTERNATIONAL LEGAL STANDARD OF VALIDITY OF SUSPICION WHEN IMPOSING A MEASURE OF RESTRAINT IN THE FORM OF CUSTODY

Keywords: criminal trial, measures of restraint, detention, standard of validity of suspicion, defendant, suspect, court, judge.

The given article deals with the problems of implementation of the standard of validity of suspicion enabling the court to select a measure of restraint in the form of custody. Special attention is paid to the analysis of provisions of the Plenum resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of May 24, 2016 No. 23 "About introduction of amendments to separate resolutions of the Plenum of

the Supreme Court of the Russian Federation in criminal cases". This document updated the legal standard of validity of suspicion which courts are obliged to consider when imposing a measure of restraint in the form of custody or extension of the validity period of it. The author compares this standard with previous wordings which are contained in Item 2 of the Plenum resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 No. 41 "About practice of application by courts of the legislation on measures of restraint in the form of custody, house arrest and bail".

The conclusion is drawn that courts have to estimate more critically the materials confirming the findings of preliminary investigation bodies. An ultimate goal of change of the standard of validity of suspicion is mitigation of policy of criminal procedure coercion, decrease of cases of selection of a restraint measure in the form of custody.

It has been noted that a number of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation deal with the standard of validity of suspicion when imposing a measure of restraint in the form of custody. The author gives the example of the Constitutional Court of the Russian Federation Ruling of July 12, 2005 No. 330-O "About refusal to consider the complaint of Moshnin Igor Aleksandrovich about violation of his constitutional rights under Article 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". It is lawful to speak about various standards of validity and degrees of persuasiveness of the facts that confirm the validity of suspicion or procedural judgments about which the Soviet school of criminal procedure evidence did not know. The court has the duty to check the validity of suspicion of the person's participation in the committed crime when considering the motion about a measure of restraint.

Having studied court practice, the author points out some features of implementation of the international legal standard of validity of suspicion when imposing a measure of restraint in the form of custody.

References

1. Mikhaylov, V.A. (1997) *Ugolovno-protsessual'nye mery presecheniya v sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Procedural Measures of Restraint in the Legal Proceedings of the Russian Federation]. Moscow: Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia.
2. Melnikov, V.Yu. (2006) *Obespechenie prav grazhdan v khode dosudebnogo proizvodstva* [Ensuring the Rights of Citizens During Pre-Trial Proceedings]. Moscow: Yurisprudentsiya.
3. Trunov, I.L. & Trunova, L.K. (2003) *Mery presecheniya v ugolovnom protsesse* [Preventive Measures in Criminal Proceedings]. St. Petersburg.
4. Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.05.2016 № 23 "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po ugolovnym delam"* [Decree No. 23 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 24, 2016, On Amending Certain Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Criminal Matters]. *Rossiyskaya gazeta*. 1st June.
5. Andreeva, O.I. (2005) *Reshenie voprosa ob izbranii v kachestve mery presecheniya zaklyucheniya pod strazhu: problemy pravoprimeneniya* [The decision of the issue on detention as a preventive measure: The problem of law enforcement]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2.
6. Tauber, L.Ya. (1917) *Isk, obvinenie i sostyazatel'noe nachalo* [The lawsuit, the accusation and the adversarial principle]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 2.
7. Morshchakova, T.G. (2012) *Standarty spravedlivogo pravosudiya (mezhdunarodnye i natsional'nye praktiki)* [Standards of Fair Justice (International and National Practices)]. Moscow: Mysl'.
8. Livshits, Yu.D. (1964) *Mery presecheniya v sovetskom ugolovnom protsesse* [Preventive Measures in The Soviet Criminal Procedure]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
9. Kapinus, N.I. (2007) *Protsessual'nye garantii prav lichnosti pri primenenii mer presecheniya v ugolovnom protsesse* [Procedural Guarantees of the Rights of the Individual When Applying Measures of Restraint in Criminal Proceedings]. Moscow: Bukvoved.
10. Komi Republic. (2016) Case № 3/2-324/2016. *The Archive of the Syktyvkar City Court of the Komi Republic*.
11. Russian Federation. (2005) Paragraph 3.3 of Resolution No. 5 (4) -II of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 22, 2004 (2005). *Legislative Bulletin of the Russian Federation*. 14. Art. 1271. (In Russian).

12. Constitutional Court of the Russian Federation. (2005) *Decision No. 330-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 12, 2005, On refusal to accept the complaint of citizen Igor A. Moshnin for violation of his constitutional rights by Article 108 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/1354548/#ixzz4r89AeumA>. (In Russian).

13. Nikonov, M.A. (2014) *Primenenie mery presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu: pravovye pozitsii ESPCh i KS RF* [Application of detention: The legal positions of the ECHR and the RF Constitutional Court]. *Ugolovnyy protsess*. 4.

14. Khmel'nitskaya, T.V. (2016) *Problemy formirovaniya dokazatel'stv v khode dosudebnogo proizvodstva po ugolovnomu delu* [Problems of the formation of evidence during pre-trial proceedings in a criminal case]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

15. Ordzhonikidzevsky District Court of Ekaterinburg. (2015) Decision of the judge of the Ordzhonikidzevsky District Court of Ekaterinburg on May 20, 2015, on the refusal of an application for changing the measure of restraint (a written undertaking not to leave for detention) against Ye.S.D. *The Archive of Ordzhonikidzevsky District Court of Ekaterinburg*. (In Russian).

16. Rudich, V.V. & Fetishcheva, L.M. (2015) Draft innovations regarding the inquiry judge as a subject authorised to apply essential measures of criminal procedure compulsion. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 17. (In Russian).